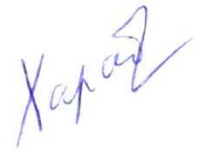

На правах рукописи

ХАРАБАЕВА Виктория Ивановна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02. – Языки народов
Российской Федерации (якутский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Якутск – 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук».

Научный руководитель: доктор филологических наук
Данилова Надежда Ивановна

Официальные оппоненты: **Шамина Людмила Алексеевна**
доктор филологических наук, главный научный
сотрудник сектора языков народов Сибири
ФГБУН «Институт филологии СО РАН»

Чиркочева Дария Ивановна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
якутского языка ИЯКН СВ РФ
СВФУ им. М.К. Аммосова

Ведущая научная организация: Институт языкознания
Российской академии наук

Защита состоится 14 апреля 2015 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 004.031.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук по специальности 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)» при ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук» по адресу: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1; тел. / факс: (4112) 35 49 96; e-mail: igi@ysn.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по адресу: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1 и на сайте <http://igi.ysn.ru/>

Автореферат разослан 14 марта 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета **Готовцева Лина Митрофановна**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено выявлению и систематизации средств выражения функционально-семантической категории личности в якутском языке.

Актуальность исследования. В современной системе лингвистических дисциплин прочно утвердился функциональный подход, предполагающий комплексное, интегрированное изучение единиц разного уровня на базе общности их функций. При этом изучение функции охватывает анализ значений языковых единиц по схеме “от семантики к форме выражения” и “от формы к семантике”.

Системным основанием анализа функций единиц разного уровня языка служит функционально-семантическое поле, содержательную основу которого образует определенная семантическая категория. Функционально-семантическая категория (далее ФСК) личности, «характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему»¹, относится к категориям, отражающим в языке важнейшие понятия человеческого сознания, активно участвующим в процессе речи и квалифицируется исследователями как универсальная, присущая всем языкам.

В отечественном языкознании категория личности была освещена в изложениях основных точек зрения на категорию лица глагола в трудах А.М. Пешковского, А.А. Потемни, А.А. Шахматова, Р.О. Якобсона, В.В. Виноградова, А.А. Юдина и др., в аспекте семантики и функций личных местоимений в исследованиях З.М. Мурыгиной, Е.В. Падучевой, А.М. Шелякина, О.Н. Селиверстовой и др. В связи с описанием категории личности возникает ряд других существенных проблем, в том числе проблема роли категории лица в формировании предикативной оси предложения. Значительная роль категории лица как “фундамента сказуемости”² в коммуникативном потенциале предложения определила интерес к ней как в традиционном, так и в современном языкознании.

В работах, основанных на функциональном подходе, грамматическая категория лица рассматривается более широко – как функционально-семантическая категория личности, выражаемая собственно

¹ Бондарко А.В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Личность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – С. 5

² Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – С. 360

грамматическими (центральными) и менее формализованными (периферийными) средствами и систематизируется в виде функционально-семантического поля (далее ФСП). В таком ключе категория лица рассматривается в современных исследованиях, построенных на функциональном подходе к анализу языковых фактов (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, В.В. Химик, Н.Б. Вахтин, А.П. Володин, А.М. Шелякин, А.Д. Шмелев, Е.А. Привалова, К.А. Степаненко, Е.В. Клобуков и др.).

Освещение категории лица и персональности в большинстве тюркологических работ производится в исходно-формальном аспекте, в пределах отдельных подсистем морфологии и синтаксиса. Между тем, в связи со структурными отличиями русского и тюркских языков, данная категория в тюркских языках имеет отличительные особенности способов выражения. Изучение категории лица на функционально-семантической основе дает возможность не только выявить данные особенности, но и рассмотреть место категории лица в языковой системе.

В якутском языке необходимость исследования категории персональности определяется отсутствием специальных работ, посвященных систематизации разноуровневых средств ее выражения. Актуальность исследования этой категории в якутском языке в свете проблем и принципов функционально-семантической грамматики обусловлена тем, что семантический лингвистический анализ дает возможность представить категорию персональности в виде системы, с разграничением ядерных и периферийных средств ее выражения. С проблемой категории персональности в якутском языке связаны также вопросы личного спряжения инфинитных форм глагола, вопросы выделения общих парадигмообразующих и синтагматических значений личных форм глагола, не менее важным является вопрос функционирования личных и лично-возвратных местоимений. Кроме того, якутские безличные синтаксические конструкции к настоящему времени еще не изучались с точки зрения наличия субъекта действия.

Цель исследования состоит в выявлении и описании разноуровневых средств выражения ФСК персональности на материале якутского языка.

Задачи исследования:

- обзор и краткое изложение истории исследования персональности в отечественном, тюркском и якутском языкознании, обзор различных теоретических подходов к изучению категории персональности;
- выявление и систематизация средств выражения категории персональности в рамках ФСП;

- функционально-семантический анализ средств выражения персональности в якутском языке;
- выявление и описание характерных особенностей категории персональности в якутском языке;
- выяснение закономерностей употребления средств выражения персональности.

Объектом исследования выступают ФСК персональности и соотнесенное с ним функционально-семантическое поле в якутском языке.

Предметом исследования являются разноуровневые средства выражения категории персональности в якутском языке. Рассмотрены морфологические, лексические, лексико-морфологические и синтаксические средства выражения изучаемой категории, выступающие в рамках ФСП.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды известных отечественных лингвистов по грамматике русского языка А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, В.М. Никитевича, А.А. Юдина; положения теории функциональной и коммуникативной грамматики, разрабатываемые А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Г.А. Золотовой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелевым, М.А. Шелякиным, А.П. Володиным и др.; теория взаимодействия уровней языка, заложенная в работах Э. Бенвениста, Р. Якобсона, М.Б. Навеса и др.; исследования тюркологов Н.А. Баскакова, А.М. Щербака, Э.В. Севортяна, С.Н. Иванова, В.Г. Гузева, Д.Г. Тумашевой, Д.Ш. Шайхайдаровой и др.; труды исследователей якутского языка О.Н. Бетлингга, Е.И. Убрятовой, Е.И. Коркиной, Н.Е. Петрова, Н.Н. Неустроева, Г.Г. Филиппова, Н.И. Даниловой, Н.Н. Ефремова, Н.И. Поповой и др.

Материал исследования извлекался путем выборки примеров из произведений якутской литературы, отдельные высказывания были взяты из текстов якутского фольклора и периодической печати. При переводе иллюстрированных примеров на русский язык в необходимых случаях в скобках приводится дословный перевод.

Методы исследования. Цель и задачи работы предопределили применение следующих методов лингвистического анализа: метод выборки при отборе материала из источников, метод лингвистического описания с применением приемов классификации и систематизации, метод полевого структурирования для установления центра и периферии ФСП персональности, структурно-семантический метод для выявления парадигматических и синтагматических значений в системе личных форм. Элементы дистрибутивного и контекстуального анализа послужили для выявления

характерных особенностей функционирования и закономерностей употребления средств выражения персональности в якутском языке.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в якутском языкознании исследована ФСК персональности, что позволило выявить и систематизировать средства выражения данной категории в рамках ФСП. В ходе исследования был предпринят анализ характерных особенностей данной категории и связанных с ней понятий в якутском языке, выяснены закономерности и специфика употребления средств выражения рассматриваемой категории. Выявлены и описаны идиоэтнические средства выражения персональности, относящиеся к периферийным средствам ФСП персональности.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Универсальная категория персональности в якутском языке имеет свои особенности выражения. В центральной части поля она получает выражение в глагольных и именных личных формах, национально-специфические особенности категории персональности получают проявление в безличных конструкциях, инфинитивных и залоговых глагольных формах, некоторых именных группах, занимающих место в периферии данного поля.

2. В якутском языке из ядерных средств приоритетное место занимают морфологические средства, что обусловлено неотделимостью категории лица от категории сказуемости. Аффиксы лица полифункциональны, они могут образовать финитные формы глагола, способствовать личному спряжению инфинитивных форм глагола, образовать сложные лично-отнесенные модальные конструкции, также именную категорию сказуемости.

3. На материале якутского языка, подтверждается положение о том, что категория лица является одной из ведущих категорий глагола и выступает как организующий центр сказуемости. Категориальное значение лица глагола состоит в выражении системы форм и значений, указывающих на отношение действия или состояния к грамматическому субъекту предложения, а также определении типов односоставных предложений.

4. Анализ значений финитных форм глагола в якутском языке позволяет подтвердить, что кроме общих парадигмообразующих значений, личные формы глагола могут иметь множество синтагматических значений. Прагмасемантический потенциал каждой личной формы выявляется в его взаимодействии с контекстом и способствует максимальной взаимозаменяемости личных форм. Выделяются прямые определенно-личные, вторичные и переносные значения личных форм. Вторичные значения являются

укоренившимися в языке, а переносное употребление одной формы вместо другой происходит исходя из ситуации речи, контекста предложения.

5. Личные и лично-возвратные местоимения функционируют в двух аспектах выражения персональности: 1) обязательное с грамматической точки зрения употребление в качестве аналитического средства выражения лица в предложениях, где в сказуемом лицо не эксплицировано аффиксами; 2) модально-экспрессивное употребление данных местоимений при тождественных личных формах.

6. Периферия ФСП персональности распадается на: ближнюю периферию (зависимые формы, имеющие субъектно-объектное содержание, определяющие носителей предикативного признака с помощью аффиксов принадлежности и местоимений в косвенных падежах и существительные со значением личности); периферию (лексико-морфологические, лексические, синтаксические, контекстуальные средства, имплицитно указывающие на участников сообщаемого факта); крайнюю периферию (глагольные формы 3 л. ед. ч., не содержащие значения соотнесенности действия с субъектом).

Теоретическая значимость исследования заключается в функциональном подходе к рассмотрению содержательной природы категории лица, определяющем ее как семантическую категорию персональности, имеющую соответствующее ФСП. Полученные результаты позволяют расширить современные представления об этой категории и могут служить базой для дальнейших исследований в этой области, также могут представлять интерес для сопоставительного и типологического анализа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты, наблюдения и выводы, некоторые ее положения могут найти применение в практике преподавания функциональной грамматики якутского языка, при разработке учебных пособий по грамматике якутского языка.

Апробация работы. Отдельные положения и результаты исследования отражены в докладах и тезисах международных, всероссийских, республиканских научно-практических конференций: Международная научно-практическая конференция «Проблемы изучения тюркских языков на рубеже XX-XXI вв. (ко 80-летию д.ф.н., профессора Н. Д. Дьячковского) (Якутск, 18 апреля 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в XXI веке» (Москва, 10 апреля 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в XXI веке» (Москва, 10 июня 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Наука и

образование в жизни современного общества» (Тамбов, 29 ноября 2013 г.); Всероссийская научная конференция «О.Н. Бетлингк и тюркское языкознание» (Якутск, 23-24 июня 2011 г.); Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Эрэл» (Якутск, 2 декабря 2009 г.); Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов, соискателей «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки» (Якутск, 23 мая 2013 г.).

Основные положения и выводы исследования изложены в 11 публикациях в сборниках научных статей, материалах конференций, реферируемых научных журналах, из них пять статей – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, актуальность ее изучения, определяется научная новизна, формулируются цель и задачи работы, а также положения, выносимые на защиту, перечисляются примененные методы исследования, указывается практическая и теоретическая значимость работы, представлены сведения об апробации и структуре диссертации.

В **первой главе «Теоретические предпосылки исследования»** освещается история изучения категории персональности в русистике, тюркологии, якутском языке, излагаются теоретические основы исследования, анализируются подходы к изучению данной категории, выявляются особенности функционально-семантической категории персональности.

В **первом параграфе «Из истории исследования категории лица и персональности в русистике»** изложена история изучения категории персональности, связанной в первую очередь с категорией лица глагола. Рассмотрены взгляды на статус категории лица глагола в традиционной грамматике, определение персональности как функционально-семантической категории в функциональной грамматике русского языка. Краткий обзор изучения данного вопроса позволяет утверждать, что, начиная с XIX века в трудах лингвистов (А.Х. Востоков (1831), В.Г. Белинский (1837), Ф.И. Буслаев (1863), К.С. Аксаков (1875), В.Ф. Андреев (1895) А. А. Шахматов (1941), А.М. Пешковский (1956), А.А. Потебня (1958) и др.) категория лица рассматривалась как главнейшая синтаксически ориентированная глагольная категория. Еще

тогда различались личные и безличные предложения, категории определенности и неопределенности лица. Личные местоимения признаются исследователями как не менее значимые лексические элементы выражения категории лица, имеющие высокую степень грамматичности. Им приписывается способность выполнять грамматическую функцию, свойственную также и личным формам глагола – обозначать отношение действия, выраженного глаголом, к определенному лицу. Категория лица включается в круг категорий, составляющих предикативность предложения, и считается исследователями наиболее существенной в выражении предикативности, благодаря синтаксическому свойству соотносить действие с его производителем (В.В. Виноградов, А.А. Юдин, С.Г. Ильенко и др.). Морфологический характер категории лица в глаголе выявляется исходя из того, что она составляет парадигму спряжения глагола, представленного системой противопоставляемых форм.

Трактовка, опирающаяся на теорию синтаксического лица (В.В. Виноградов, Г.А. Золотова) и понятийных категорий (И.И. Мещанинов, О. Есперсен), позволила исследователям прийти к заключению, что на проблему способов и средств выражения категории лица следует смотреть широко, не ограничиваясь рамками глагольного спряжения, и квалифицировать данную категорию как функционально-семантическую категорию персональности, на которой базируется соответствующее функционально-семантическое поле (А.В. Бондарко и др.).

В современных исследованиях категория персональности определяется также как текстообразующая категория, где в качестве основных понятий рассматриваются субъективная модальность, эгоцентрические элементы, модус, авторизация и т.д. (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Е.Ю. Стратийчук и др.). Категорию лица рассматривают в лексико-семантическом аспекте, разграничивая лексико-грамматические разряды лексем на относящиеся к концепту «Лицо» и «Не-лицо» (Е.В. Клобуков), а также различают глаголы по их отнесенности к сфере семантики 1-го, 2-го, 3-го лиц (Ю.Д. Апресян) и т.д.

В связи с тем, что категория персональности является главной коммуникативной категорией, в современной лингвистике не ослабевает интерес к изучению данной категории. За последние десятилетия был написан ряд кандидатских диссертаций, где авторы рассматривают персональность как когнитивно-коммуникативную (С.А. Недобух), текстообразующую категорию (Е.Ю. Стратийчук), в сравнительном аспекте (Е.А. Степаненко), (Г.А.

Бессарабова), на материале фольклорного текста (Л.Б. Кацюба, М.А. Сердюк), в просторечном варианте национального языка (Е.А. Привалова).

Во втором параграфе «Исследование категории лица и персональности в тюркологии и якутском языке» прослежена история изучения категории лица и персональности в исследованиях по тюркским языкам и отдельно по якутскому языку.

В грамматических описаниях тюркских языков категория лица получает освещение на основе исходно-формального анализа. Вопросы категории лица были исследованы в специальных статьях, где были обсуждены проблемы, связанные с категорией сказуемости, личными местоимениями, происхождением и функционированием аффиксов лица тюркских языков. Известными тюркологами были проведены сравнительные исследования по этимологии личных аффиксов, в результате чего сложилось общее мнение, что существуют три вида личных аффиксов: местоименного происхождения, аффиксы принадлежности и аффиксы повелительного наклонения, которые выражают лицо и субъект действия. Изучение форм лица проводилось также в связи с исследованием проблем развития временных форм, наклонений, инфинитных форм, аналитических конструкций.

Начиная с труда О.Н. Бетлингга, в якутском языкознании многие вопросы, касающиеся категории лица, были освещены в ряде работ по грамматике (Е.И. Убрятова (1976), Е.И. Коркина (1970), (1979), (1985), Г.Г. Филиппов (1989), (1999), Н.Н. Ефремов (1998), Н.И. Данилова (1991), Н.И. Попова (1992)). В силу того, что категория лица неотделима от категории сказуемости, не только финитная форма, но также и предикативное склонение причастий, личное оформление деепричастий, составные аналитические конструкции находят отражение в трудах исследователей якутского языка.

В третьем параграфе «Особенности функционально-семантической категории персональности» освещаются вопросы теоретического осмысления функционально-семантической категории персональности: категория персональности как разноплановая категория; семантические оппозиции в парадигме личных форм и личных местоимений; структура ФСП категории персональности; связь категории персональности с другими семантическими категориями.

Категория персональности в типологии трактуется как достаточно широкая содержательная сфера. Из определений категории персональности, данных исследователями, вытекают следующие основные особенности персональности:

- персональность – полифункциональная категория. Это выражается в ее способности выполнять не только функцию согласования сказуемого и подлежащего, но и семантическую дейктическую функцию соотнесения факта сообщения, обозначаемой предложением, к участникам речевого акта. Личная форма глагола также формирует конкретные типы простого предложения: двусоставные и односоставные определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные, безличные;

- категория лица характерна не только для глагола, так как существуют языки, где имя и не финитные формы глагола тоже могут спрягаться по лицам;

- категория лица тесно взаимодействует с функционально-семантическими категориями субъектности/объектности, модальности, количественности, посессивности, залоговости. Средства выражения этих категорий пересекаются друг с другом;

- персональность – универсальная категория. План ее выражения имеет типологическую основу, которая отчетливо прослеживается в языках разных систем, особенно в центральной (ядерной) части поля;

- персональность – актуализационная категория. Это проявляется в ситуации речи, где актуализация происходит за счет предикативных и непредикативных средств;

- внутри данной категории существуют оппозиции между а) 1-м и 2-м лицами; б) 1-м, 2-м и 3-м лицами.

- ФСП персональности представляет собой поле «моноцентрического типа с центром со сложной бинарной структурой»³, реализуемой личной формой глагола и личными местоимениями. Периферию составляют разноуровневые средства, взаимодействующие на основе общности их семантических функций в выражении персональности.

Вторая глава «Ядерные средства выражения функционально-семантической категории персональности в якутском языке» посвящена выявлению особенностей функционирования ядерных (центральных) морфологических и лексических средств выражения категории персональности.

В первом параграфе «Категория лица в глагольных формах» рассмотрены особенности функционирования личных аффиксов, образующих финитные формы глагола, участвующих в личном спряжении инфинитных форм глагола и образовании аналитических конструкций, отдельно рассматриваются значения личных форм глагола.

³ Бондарко А.В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – С. 19

Морфологическая категория лица глагола в якутском языке, как и в других тюркских языках, образует **финитный глагол**, объединяющий важнейшие категории глагола, составляющие предикативность предложения – категории наклонения, времени, лица и числа. Независимая, ведущая роль в этом принадлежит категории лица, которая выражается в следующих ее свойствах:

1. Особенностью аффиксов лица является их свойство “отдельности” от время-модальных показателей. Как и в других тюркских языках, формы наклонения и времени в большей степени образуются от первичных и вторичных причастий с помощью личных аффиксов. Категория числа формально отображена в личных аффиксах, при этом только 3-е лицо имеет отдельно выраженный морфологический показатель множественного числа.

2. Категория лица выступает как синтаксически ориентированная категория. В связи с тем, что в якутском языке сказуемость не может выражаться вне категории лица, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности в той же функции обозначают отношение действия к его производителю и служат формальным средством согласования глагола с подлежащим. С этой точки зрения, категориальное значение лица глагола выступает как организующий центр предложения. Личная форма глагола также предопределяет синтаксические типы односоставных простых предложений.

3. Основой противопоставления форм грамматической категории лица является характеристика производителя действия по отношению к акту речи с точки зрения говорящего.

Таким образом, данная категория глагола выполняет важную роль в грамматическом строе якутского языка. Она имеет свое содержание, свою систему формальных показателей, выражающих различные отношения обозначаемого действия к его производителю

Анализ категориальных и вторичных **значений**, а также ряда употреблений, которые характерны для определенных контекстов, позволяет прийти к выводу, что в якутском языке грамматические формы лица имеют богатый семантический потенциал. Исследование категории лица в направлении от формы к значению позволило установить многозначность личных форм и, наоборот, выявить случаи выражения того или иного личного значения множеством форм.

Общие, т.е. парадигматические личные значения противопоставляются на нерасчлененные (ед. ч.) и расчлененные (множ. ч. и двойств. ч.). Личные формы множ. числа и двойств. ч. в зависимости от контекста могут иметь в своем составе разнородные составляющие: ‘я+ты’, ‘я+они’ и т.д. Например, форма 1-

го лица множ. ч. может быть соотнесена с: а) говорящим и адресатом (двойственный инклюзив); б) говорящим и группой адресатов (множественный инклюзив); в) говорящим и неопределенно-обобщенным адресатом; г) говорящим и конкретным лицом или лицами, не участвующими в речи (двойственный и множественный эксклюзив) и т.д. Здесь состав лиц определяется с помощью аффикса двойственного числа повелительного наклонения, двойственно-собирательных местоимений и других лексических средств.

Кроме своего прямого определенно-личного значения, формы лица имеют и вторичные значения – обобщенно-личное и неопределенно-личное, а также часто употребляются в речи в переносном значении. Обобщенноличность, которая всегда приводит к снятию денотативной конкретности высказывания, объективации сообщаемого, достигается формами: 1-го лица множ. числа (*Атын киһини толору өйдүүр уустук. Дьингинэн ыллахха, үксүгэр быһаҕастаһан, чиэппэрдэһэн эрэ өйдөһөбүт эбээт* (Н. Лугинов) 'Понять другого человека трудно. По правду сказать, мы часто *понимаем* друг друга только отчасти'; 2-го лица ед. числа (*Ыстаабыккын эрэнимэ, ыйыстыбыккын эрэн* (Саха фольклора) 'Не верь тому, что сжевал, а верь тому, что проглотил'); 3-го лица множ. числа: *Биирдэм киһини холуулар бэдэр мунур кутуругар* (Н. Герасимов) 'Одинокого человека *уподобляют* короткому рысьему хвосту'.

Квалификация неопределенно-личного субъекта сообщаемого факта как неизвестного, несущественного или известного говорящему как класс лиц, может достигаться формой 3-го лица множ. ч.: *Орубуна сүүрбэ билиэтим хаалбытын кэннэ – латырыайатын харчытын аҕалан туттардын диэн илдьиттишилэр* (С. Руфов) 'После того, как у меня остались ровно двадцать билетов – *передали*, чтобы я сдал деньги за лотерею'.

Личные формы глагола в переносном, метафорическом значении, т.е. в значении другого лица, обогащают прагмасемантический потенциал личных форм. Они, заменяя определенно-личные значения, могут соотнести факт сообщения к адресанту, адресату и лицу, не участвующему в акте речи. Переносное употребление форм лица помогает говорящему выразить эмоционально-экспрессивную окрашенность мысли и выступает как определенный стилистический прием. Например, действия *говорящего* могут быть выражены глагольной формой 1-го лица множ. ч. в случаях выражения скромности с некоторой долей уничижительности: – *Кэбис наһаа үгэргээмэ, добор. Биһиги, кыра дьон, наһаа улахаңна тарбачыспанпыт* (Н. Лугинов) '– Брось, не насмехайся, мы, люди маленькие, на большее *не претендуем*'.

Действия говорящего могут выражаться формами 2-го лица ед. числа и 3-го лица ед. числа с целью объективированного представления говорящего о себе самом; адресат может быть выражен формой 3-го лица ед. числа для выражения негативной экспрессии по отношению к партнеру по общению; неучастник акта речи – 1-м лицом множ. числа выражается с некоторой долей соучастия со стороны говорящего.

Таким образом, система личных форм глагола часто взаимозаменяется во всех трех лицах в ед. и множ. числах. Каждая из личных глагольных форм может принимать любое персональное содержание и, напротив каждое из типовых личных значений может реализоваться с помощью любой личной формы при определенных условиях речи.

Оформление личными показателями **инфинитных форм глагола** имеет полифункциональный характер. Помимо того, что аффикс принадлежности выражает лицо производителя действия в зависимой части сложноподчиненного предложения, одновременно выступает способом связи зависимого и главного предложений. Личное предикативное склонение причастий и личное оформление деепричастий в якутском языке служат для образования синтетических моно- и полисубъектных полипредикативных конструкций, а также образуют сказуемые простого предложения, выраженные этими глагольными формами.

Аффиксы сказуемости принимают **деепричастия** на *-ан, -а, -бакка, -мына, -бакка, -аары (-ымаары)*. Когда деепричастия выступают в качестве зависимого сказуемого придаточного предложения, их личное оформление бывает факультативным или обязательным. Обязательное снабжение личными аффиксами деепричастий в якутском языке происходит в таких случаях, когда в предложении лицо не эксплицировано личным местоимением или финитной формой. Аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию по причине того, что: 1) Необходимо указать лицо производителя действия в зависимой части полисубъектных полипредикативных предложений, даже если лицо указано личным местоимением: *Эн кэлэнгин отоннуу бардыбыт 'Ты пришел, поэтому мы пошли по ягоды'* (букв. ты придя+ты); 2) деепричастия на *-ымына* и *-бакка*, принимая аффиксы лица, хотя и ограниченно, могут употребляться в функции независимого сказуемого в простом предложении: – *Табылынныг! Баар! Туй-сиэ! Эрдэ «ыппаккабын»!* (Чолбон) 'Ты ранен! Есть! Тьфу! Зря я пораньше не «выстрелил»!' (букв. зря не стреляя+я). Личное оформление деепричастий представляет собой одну из самых ярких особенностей синтаксической системы якутского языка.

Личное предикативное склонение причастий определяет зависимое действие при: а) моносубъектных полипредикативных предложениях; б) разно(поли)субъектных полипредикативных предложениях. При вопросительных и восклицательных предложениях и при предложениях с вопросительным оттенком предикативное склонение причастий может использоваться в качестве сказуемого простого предложения: *Баһылай эрэйдээх оччотообуга хараастыбыт+ы+н!* (Н. Лугинов) 'Тогда бедный Василий так расстроился!' (букв. Бедный Василий тогда расстроившегося+его). Предикативное склонение причастий также может образовать независимое сказуемое с семантикой напутствия: *Кырдьык, добор, уолгун көрө барыаххыный* (А. Татарина) 'И правда, друг, ты бы мог поехать повидаться с сыном (букв. предстоящего ехать+твое+ли)'.

Лицо деятеля также выражается в **аналитических глагольных конструкциях**, представляющих одну из особенностей синтаксического строя якутского языка. Оно эксплицировано в аффиксах сказуемости и принадлежности, прикрепляемых к одному из компонентов сложных конструкций: глаголам во вспомогательной функции, перифрастическим глаголам, модальным частицам, модальным словам, причастиям в падежном склонении и именам. Кроме тех свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами, отмеченных Е. И. Коркиной (1979), в данной работе установлено еще 13 моделей лично-отнесенных сочетаний с модальным значением, определяющих участников речи. Например, модели причастие+имя с посессивным аффиксом: *Түргэнник быһаардыннар диэбит быһыым* (А. Татарина) 'Это значит, я хотела сказать, чтобы быстро решили' (букв. сказавший образ мой); причастие+имя аффиксом сказуемости: *Ноххо, бу хаһан өйдөнүөх киһигиний?* (И. Тарабукин) 'Парень, когда же ты образумишься?' (букв. предстоящий образумиться человек ли ты) и т.д.

Во **втором параграфе «Именная категория сказуемости»** дана характеристика именной категории сказуемости в якутском языке. Именной предикат включается в круг ядерных средств выражения персональности, так как предикация именем осуществляется на основе категорий времени, модальности и лица. В отличие от глагольного сказуемого, именной предикат представляет самого носителя признака, свойства, качества. В именном сказуемом время и модальность выражаются с помощью связок с обязательным личным оформлением, где аффикс лица в связке указывает на лицо субъекта. Аффиксы лица могут принимать любые именные части речи: существительные,

прилагательные, местоимения, числительные, а также наречия, служебные части речи: частицы, послелоги и т.д.

Внутри данной категории выявляются: 1) изъявительная модальность: настоящее-неопределенное время, будущее время, прошедшее время; 2) субъективная модальность.

Третий параграф «Личные и лично-возвратные местоимения как средство выражения персональности» посвящен характеристике и выявлению особенностей функционирования и семантики лексических средств выражения персональности, входящих в центр поля – личных и лично-возвратных местоимений.

В связи с тем, что в большинстве высказываний лицо эксплицировано аффиксами лица в глагольных формах, **личные местоимения** выступают как дополнительные средства выражения лица и употребляются факультативно. Но в случаях, когда в предложении сказуемое не выражено финитной формой (именной, глагольной) или деепричастием с личным аффиксом, личное местоимение в якутском языке, так же как и в русском, служит аналитическим ядерным средством выражения категории лица. Нами определены 6 случаев обязательного с грамматической точки зрения употребления личных местоимений в предложениях: 1) в качестве именного сказуемого 3-го л.; 2) при деепричастии на *-ан* в сочетании с модальными частицами *бөбө, абай, ахан* без аффиксов лица; 3) при употреблении с отглагольными именами в сочетании с модальными частицами; 4) при сочетаниях деепричастия на *-ан* и глагола в форме повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, где личный аффикс имеет нулевую форму; 5) при сочетании с деепричастием на *-ымына, -бакка* без аффикса сказуемости в позиции сказуемого простого предложения в форме 3-го лица ед.ч.; 6) при противопоставлении действия субъекта с действием других участников речи.

Рассмотрены 5 случаев, когда присутствие в высказывании личных местоимений при наличии тождественных личных форм глагола преследует разные стилистические цели. Личные местоимения употребляются с целью особого выделения субъекта действия, в эмоционально окрашенном предложении, в качестве субстантива с экспрессивными лексическими значениями: враг, возлюбленный и т.д.

Лично-возвратные местоимения состоят из основы *бэйэ*, восходящей к монгольской *бие* 'тело, организм, особа, личность, рост, сам', с аффиксами

принадлежности⁴ *-м, -н, -тэ, -бит, -бит, -лэрэ* и указывают на участников речи – говорящего, собеседника и 3-е лицо. Так как в них притяжательные аффиксы превратились в показатель лица, они обладают теми же функциями, что и личные местоимения. Лично-возвратные местоимения имеют частные значения, реализуемые в контексте или в определенной речевой ситуации. Нами выявлены 5 из множества частных значений лично-возвратных местоимений при их употреблении в сочетании с личными формами глагола.

В третьей главе **“Периферийные средства выражения функционально-семантической категории персональности в якутском языке”** выявлены и охарактеризованы периферийные средства выражения персональности в якутском языке.

Поскольку в предложениях с использованием периферийных средств специализированный грамматический выразитель категории лица устранен из предложения, отнесенность содержания высказывания к какому-либо лицу выявляется различными актуализационными средствами, среди которых выделяем морфологические и лексико-морфологические средства в функции объекта, безличные конструкции, контекст, лексическую семантику и др. Эти периферийные средства, в свою очередь, распадаются на ближнюю периферию (морфологические, лексико-морфологические и лексические средства), собственно периферийную сферу (лексические элементы и синтаксические средства) и крайнюю периферию (одноличные глаголы, бессубъектность) ФСП персональности.

Первый параграф “Формы принадлежности” содержит описание важнейших периферийных средств выражения – форм принадлежности, выражающихся в трех лицах ед. и множ. ч. аффиксами: 1-е л. ед. *-м, -ым*; 2-е л. ед. ч. *-н, -ын*; 3-е л. ед. ч. *-а, -та*; 1-е л. множ. ч. *-бит*; 2-е л. множ. ч. *-бит*; 3-е л. множ. ч. *-лар-а*. Помимо того, что притяжательные аффиксы выражают отнесенность предмета к какому-либо лицу, в якутском языке, как и в других тюркских языках, они могут указывать на соотнесенность, принадлежность какого-либо действия, состояния, факта к определенному лицу:

1. При имени существительном с отвлеченным значением категория принадлежности утрачивает связь с реальной семантикой принадлежности и выступает как показатель отношения к лицу: – *Сымыйан, ааспыкка эмиэ иннэ диэбитин!* (Огдо) ‘- Ты лжешь (букв. *неправда твоя*), в тот раз тоже так говорил!’.

⁴ Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 1. Фонетика. Морфология. – М.: Наука, 1982. – С. 203

2. Употребление имен прилагательных с аффиксами принадлежности в безличных предложениях с частицами *баар*, *бэрт* выражает модальность, сопровождаемую эмоциями удивления, изумления, негодования, возмущения и т.д. относительно лица, выделенного аффиксом принадлежности: *Умнуганым да баара!* (П. Тобуроков) 'Какой же я забывчивый!' (букв. забывчивый мой есть!). В такого рода предложениях аффикс принадлежности замещает именное сказуемое (ср.: *Умнуганым да баара - Наһаа да умнугаммын!* 'Какой же я забывчивый!').

3. Аффиксы принадлежности могут служить в качестве показателя субъекта действия или состояния, выраженных субстантивированными причастиями и именами действия, где действие, процесс представлены как предмет, но сохраняют свою глагольную природу. Субстантивированные причастия: *Кэппитэ – сэлээпнэтэ, туппута – торуоската* 'То, что он носит – шляпа, то, что держит – трость' (букв. надевший+его – шляпа, держащий+его – трость); отглагольные имена: *Кини кими барытын биир көрсүө көрүүтүнэн кутун-сүрүн тутара* (Суорун Омоллоон) 'Она кого угодно пленяла одним спокойным взглядом' (букв. смотрением+ее).

4. Лицо исполнителя действия может быть выражено в причастной атрибутивной конструкции аффиксами принадлежности при определяемом. В предложении такой причастный изафет употребляется, «когда определение выражено целым предложением с самостоятельным подлежащим»⁵, где посессивный аффикс определяет лицо действующего субъекта при определяемом и прикрепляется к существительному: *Олохсутарды бырахпыт сирдэрэ, хайа тэллэбэ, туох да тутуута-хаххата суох аһаҕас сир этэ* (Чолбон) 'Место, где оставили обосновываться, оказалось подножием горы, открытым местом без какого-либо укрытия' (букв. Оставивший место+их) (место действия);

Во втором параграфе «Лексико-морфологические средства выражения персональности» в качестве ближней периферии категории персональности рассмотрены личные местоимения и имена существительные в косвенных падежах, выступающие в роли дополнений со значением объекта-субъекта. К периферии поля они отнесены на том основании, что находятся вне позиции соотношения субъекта-подлежащего и предиката, т.е. являются элементами II ранга (элементами, находящимися за пределами субъекта-подлежащего, когда отношение к лицу касается субъекта, выраженного

⁵ Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка / Е. И. Убрятова. – Новосибирск: Наука, 2006. С. 49

дополнением, а также объекта и атрибута). Носитель предикативного признака в таких случаях получает объектную интерпретацию, так как выражен личным местоимением или именем в косвенном падеже. Данное употребление, характерное в речи для обозначения физического и психического состояния человека, в якутском языке с точки зрения нормативности довольно типично: *Түөһэ холку, төбөтө сырдык, туох да кыһалҕа суох, киниэхэ барыта үчүгэй* (Амма Аччыгыйа) 'В груди свободно, голова ясна, нет никаких проблем, у него все хорошо'; *Төһөтүн да иһин Валяҕа олус ыара* (Огдо) 'Как бы то ни было, Вале было очень трудно'.

К лексико-морфологическим средствам выражения персональности также относятся лексические единицы с притяжательными аффиксами, получающие в речи персональное значение только в определенных условиях. Они входят в круг периферийных средств в связи с тем, что не являются специализированными выразителями персональности и употребляются в переносном значении.

Употребление в разговорной речи указательных местоимений *бу* 'это, этот, эта', *ити* 'это, эта, этот, ', *ол* 'тот, та, то', собственных имен и терминов родства, лексемы *киһи* 'человек' и имени числительного *биир* 'один' с притяжательными аффиксами замещает 3-е лицо, т.е. того, кто не участвует в речевом акте. В этом применении посессивные аффиксы выражают не принадлежность предмета или какого-либо лица к тому или иному лицу, а само лицо и имеют модальное значение. Модальность может быть положительного или негативного характера: *Бубукканы бутуйдахха? Итинтиң өс киирбэх* (Венера) 'Если впутать Вовку? Тот+твой наивный' (=тот ведь наивный); *Киһин ааҕар эрэ үһү дуо, барытын бэлиэтэнэр* (Венера) 'Человек+твой не только читает, но и делает заметки' (=он не только читает); *Биирбит да баара, барытыгар сөп түбэхэн иһэн* (Огдо) 'А одна+наша тоже, соглашается на все' (=она ведь соглашается на все).

В зависимости от контекста, некоторые имена с притяжательными аффиксами 2-го лица могут соотноситься с 1-м лицом: – *Нокоо, эдьийинг «отличник» буолла. Знакпын бэбэһээ туттардылар* (Кэпсээннэр) 'Эй, парень, сестра твоя стала «отличником». Знак вчера вручили мне (=я стала «отличником»)'. В подобных предложениях большое значение имеет контекст и ситуация речи. Говорящий самоустраняется по причине снисходительного отношения к адресату или для объективирования своих действий.

В третьем параграфе «Лексические средства выражения персональности» освещаются периферийные лексические средства выражения категории персональности.

К лексическим средствам выражения персональности, представляющим ближайшую периферию или, промежуточную область между центром и периферией, относятся имена существительные, обозначающие человека (лицо), активного субъекта-деятеля. В первую очередь, к ним относятся собственные имена существительные, которые представляют собой индивидуальное наименование отдельного лица. Также сюда входят имена существительные, обозначающие персону, человека: термины родства, субстантивированные имена прилагательные (*дьүлэй* 'глухой', *дыадагы* 'бедняк', *уус* 'кузнец' и т.д.), имена, образованные от существительных с помощью аффикса *-һыт* (*-сыт*, *-чыт*, *-дыт*, *-һыт*) (*балыксыт* 'рыбак', *ыанньыксыт* 'доярка', *айанньыт* 'путешественник', *сонордьут* 'следопыт' и т.д.), имена, образованные от глагола с помощью аффикса *-ааччы* (*суруйааччы* 'писатель', *үөрэнээччи* 'ученик', *буруйданааччы* 'обвиняемый', *салайааччы* 'руководитель' и т.д.), причастия в субстантивированном употреблении, выступающие в форме действительного залога в качестве субъекта действия: *Сылдыбыт сыһы булар*, *көрдөөбүт көмүһү булар* 'Ходивший соринку находит, искавший золото находит'.

В особые группы существительных также отнесены имена существительные, обозначающие неопределенное и обобщенное лицо. Неопределенность лица выражают различные сочетания, специально образуемые для выражения данного значения (*ханлык эрэ киһи* 'какой-то человек', *биир киһи* 'некий человек' и т.д.) и неопределенные местоимения (*ким эрэ* 'кто-то', 'кое-кто', 'некто', *ким эмэ* 'кто-нибудь', *кимнээх эрэ* 'некоторые' и т.д.). Обобщенность субъекта действия может выражаться с помощью обобщительных местоимений (*ким бабарар* 'любой, кто угодно, каждый', *ким барыта* 'каждый, всякий, любой' и т.д.), собирательных существительных (*оҕо аймах* 'дети', *ыччат* 'молодежь', *студент аймах* 'студенчество' и т.д.).

Кроме этой группы имен, в якутском языке встречаются лексемы, имеющие свойство наполняться содержанием семантики персональности в зависимости от контекста предложения. Они отнесены к собственно периферийным лексическим средствам персональности в силу того, что персональное значение получают только в переносном употреблении и, таким образом, не имеют конкретного персонального дейксиса как личные местоимения.

К таким словам, например, можно отнести лексемы *киһи* 'человек' и *сорох* 'некоторый, иной'. В зависимости от контекста, они могут реализовать местоименную функцию: *Дьэ ити, киһи этэрин истибэтэбин* (Кэпсээннэр) 'Ну вот, не слушался того, о чем человек (я) говорил' (=я говорил).

К периферийным лексическим средствам выражения неопределенности и обобщенности относятся также некоторые лексемы с субстантивно-прономинальной семантикой, способные обозначать обобщенность и неопределенность субъекта.

Четвертый параграф «Синтаксические средства выражения персональности» посвящен анализу имплицитного выражения персональности различными синтаксическими структурами без опоры на грамматические и лексические средства выражения персональности.

Синтаксические средства выражения персональности разделяются на 5 типов:

1) Особые синтаксические структуры без граммы лица, предполагающие позицию субъекта-говорящего (безличные конструкции, инфинитив): *Кинилэр олохторун олохтоммут киһи баар уни* (Софр. Данилов) 'Жить бы (мне) их жизнью!'; - *Эчи, үчүгэйин, эттээх дьүэ бэрэскитин сиэбэтэх ыраатта* (Чолбон) ' - Как хорошо, давно (я) не ела домашние пирожки с мясом' (букв. давно не евший); *Ээ, тобо төбөм эрэйдээби муннуу истэмий, хата, атыны толкуйдуохха* (Т. Сметанин) 'Зачем мне ломать голову, про другое подумаю-ка (букв. про другое подумать)' и т. д.

2) Глаголы в страдательном залоге прошедшего, настоящего и будущего времен: *утуйуллубута* 'спалось', *сылдьыллыбыта* 'ходило', *билиллэр* 'знается', *көрөн иһиллэ* 'посмотрится' и т.д., контекстуально относящиеся к действиям 1 лица ед. числа. В этом случае передается особая экспрессия и уверенность говорящего в сообщаемом, хотя глагол маркирован показателем 3-го лица ед. ч.: *Оо, эн бэйэлээх тылгын толорбот буоллахпына ким тылын толоруомуй! Умнар диэн кэлиэ дуо, умнулуу суоҕа!* (П. Ойунский) 'О, чью же просьбу мне исполнить, если не твою! Забывать невозможно, не забудется! (=не забуду)'

3) Контекстуально-интонационные средства и обращения, предполагающие соотнесенность высказывания к адресату и говорящему. Например, контекст и речевая ситуация являются решающими в диалогической речи в предложениях, образуемых деепричастиями на *-ан, -ымына, -бакка* без личного аффикса: *Хайыыгын Айдаар, сарсын баран көрөбүн дуо? – Баран, баран, – уол өрө көрө түстэ* (К. Эверстов) 'Ну что, Айдар, завтра пойдешь смотреть? – Конечно, пойду, – мальчик живо посмотрел' (букв. идя, идя). В предложениях с побудительной модальностью безличное предикативное склонение причастия может выражать отнесенность действия, состояния к говорящему: *Истэн үөрүөбү, этэ охсун* (В. Ойурский) 'Быстро скажите (мне),

обрадуйте (букв. услышав, обрадоваться, скажите быстро)'. Обращенность к адресату, выраженная повелительным наклоном, предполагает, что субъектом зависимой части этой конструкции может являться говорящий.

4) Пассивные конструкции (личные и безличные), особые значения возвратного и побудительного залогов, номинализация, связанные с устранением указания на определенное лицо, и тем самым, определяющие семантику неопределенноличности. Личные пассивные конструкции: *Ол сылдьан уөбүллэрим, кырбанарым, таҥаһым сыыһын былдьатарым* (Намылы) 'Когда я так ходил, я бывал обруган, избит, у меня одежда бывала отнята (= ругали, избивали)'; Безлично-пассивная форма: *Туох да кэпсэтии ытыллыбатаҕа* 'Никаких бесед не велось' (= *Туох да кэпсэтиини ытыптахтара* 'Никаких бесед не вели'); Форма возвратного залога с пассивной семантикой: *Манна бурдук тохтубут* 'Здесь просыпалась мука' (= *Манна бурдук тохпунттар* 'Здесь просыпали муку'); Форма побудительного залога, совмещенная с пассивным значением (*Таҥаспын уордарым* 'У меня украли одежду' (букв. я допустил украсть у меня одежду).

Неопределенность лица деятеля может достигаться и другими способами – номинализацией процесса, через субъектную и объектную номинализацию.

5. Безлично-пассивные конструкции, определяющие семантику обобщенноличности: *Манна киирэр көнүллэмэт!* 'Входить сюда запрещено!'

В пятом параграфе «Крайняя периферия категории персональности» рассматриваются глагольные формы 3 л. ед. ч., которые не содержат значение соотнесенности действия с субъектом. В якутском языке бессубъектное действие выражается в: 1) глаголах, обозначающих явления природы, не имеющих возможности спрягаться по всем трем лицам (*хаардыыр* 'снежит', *харангарда* 'потемнело', *сырдаата* 'посветлело', *тымныйбыт* 'похолодало', *курааннаата* 'засушило', *сылыйбыт* 'потеплело' и т.д.); 2) глаголах в форме побудительного залога, выражающих стихийные явления, физическое состояние, находящиеся вне сферы влияния субъекта (*титирэтэр* 'знобит', *утуктатар* 'клонит ко сну', *кычыгылатар* 'щекочет', *аһытар* 'щиплет', *хотуолатар* 'тошнит', а также при конструкциях с пассивной семантикой типа: *тымныынан саба ыста* 'обдало холодом' и т.д.). Включение глаголов в особом безличном или бессубъектном употреблении в рамки грамматической категории лица объясняется тем, что термин "безличность" по своей внутренней форме связан с категорией лица и безличные формы могут сопоставляться с семантикой глаголов 3-го лица в его

предметном значении по общему указанию «на внешний источник» предикативного признака⁶.

В заключении приводятся основные итоги и формулируются выводы исследования.

Исследование языкового материала показало, что универсальная категория персональности, присущая всем языкам, в якутском языке находит свои особенности. Универсальность персональности проявляется в том, что как и в других тюркских языках, она выражается на морфологическом уровне во многих частях речи в центральной части поля. Дифференциальные черты персональности получают выражение в периферии данного поля, где различными средствами передаются национально-специфические особенности семантики персональности (специфические лексические элементы, актуализация семантики персональности связанная с особой ролью некоторых синтаксических структур, предполагающих позицию субъекта (безличные конструкции, инфинитивные и залоговые формы глагола и т.д.).

Из всех средств выражения персональности главное место занимают аффиксы лица, которые составляют ядро, центр функционально-семантической категории персональности, и выполняют важную дейктическую функцию в предложении. Показатели лица, выражающие лицо-число производителя действия, в якутском языке могут иметь все глагольные формы и именные части речи. Центральные лексические средства выражают лицо деятеля в составе конструкций, при употреблении с личными формами несут стилистически ориентированную функцию.

Периферия данного поля в якутском языке обладает широким спектром средств выражения. Она представлена комплексом морфологических, лексических, лексико-морфологических, синтаксических и контекстных средств выражения данной категории. В результате анализа периферийные средства распределены на те, которые представляют ближнюю периферию (аффиксы принадлежности в сочетании с именами и причастиями в функции объекта и атрибута, местоимения в косвенных падежах, а также имена, обозначающие лицо, персону), собственно периферийную область (лексические и синтаксические средства, имеющие особенность выражать персональность без опоры на специализированные средства), крайнюю периферию (глаголы в 3-м лице ед. числа с обособленными лексическими значениями, которые не имеют парадигмы спряжения и употребляются в безличном, бессубъектном значении).

⁶ Бондарко А.В. Семантика лица / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – С. 24

Дальнейшей задачей является исследование категории персональности как текстообразующей категории (выражение персональности в разных жанрах фольклора, в текстах отдельных произведений литературы), изучение особенностей выражения персональности в стилях речи, исследование персональности в противопоставлении лексико-грамматических разрядов имен и глаголов, относящихся к сфере «лицо» и «не-лицо».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. *Харабаева В.И.* Персональная ситуация адресантной определенности // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 6 (24), 2013. Часть II. С. 191-195.
2. *Харабаева В.И.* Периферийные средства выражения персональности в якутском языке // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение.* Вып. 78. №16 (307), 2013. С. 132-136.
3. *Харабаева В.И.* Значения личных форм глагола в якутском языке // *Вестник Северо-Восточного университета им. М.К. Аммосова.* Том 10. №2, 2013. С. 69-74.
4. *Харабаева В.И.* Личные и лично-возвратные местоимения как средство выражения персональности в якутском языке // *Сибирский филологический журнал.* №4, 2013. С. 203-209.
5. *Харабаева В.И.* Морфологические средства периферии функционально-семантического поля персональности (на материале якутского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 3(33), 2014. С. 186-188.
6. *Алексеева В.И.* Категория лица глагола в тюркских языках // *Проблемы изучения тюркских языков на рубеже XX-XXI веков: материалы Международной научно-практической конференции.* – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2010. С. 125-127.
7. *Харабаева В.И.* Категория лица в якутском языке: функциональный аспект // *Северо-восточный гуманитарный вестник.* 2013. №1 (6). С. 66-76.
8. *Харабаева В.И.* Неопределенность в якутском языке // *Гуманитарные науки в XXI веке. Материалы XIII Международной научно-практической конференции (10.04.2013).* М., 2013. С. 57-60.
9. *Харабаева В.И.* Обобщенность в якутском языке. // *Гуманитарные науки в XXI веке. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (10.06.2013).* М., 2013. С. 35-38.
10. *Харабаева В.И.* О.Н. Бетлингк об афигированных посессивах // *О.Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН,* 2013. С. 44-46.
11. *Харабаева В.И.* Периферийные лексические средства выражения персональности в якутском языке // *Наука и образование жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 ноября 2013 г. Часть 13; М-во обр. и науки РФ. Тамбов,* 2013. С. 152-153.

Подписано в печать 10.02.2015. Формат 60x90 1/16

Усл. п.л. 1,5. тираж 100 экз.

Гарнитура Times. Заказ № 53.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН
677000, г. Якутск. ул. Сосновая, 4. Тел. 36-58-69.

www.igi.ysn.ru